

венное Учредительное собрание в 1917 году были проведены у нас ... правильно согласно данных инструкций, и население питало большие надежды, что наконец с созывом Учредительного собрания наступит конец смутам и беспорядкам и Учредительное собрание даст возможность ввести и устроить порядок. Но созыв Учредительного собрания не состоялся, и 7 ноября власть перешла в руки Советов...» [4, с. 400].

В Дневнике у А.А. Замаараева нет подробного описания выборов в Учредительное собрание, но данную тему его внимание, тем не менее, не обходит. Так, 12 ноября 1917 г. он пишет, что это был первый день выборов в Учредительное собрание... [1, с. 429]. Запись от 16 января 1918 г. содержит следующие сведения: «Учредительное собрание существовало один день» [1, с. 436]. Запись от 22 января 1918 г. содержит осуждение действий большевиков: «... из частных писем, а газеты и телеграммы не выходят. Хороша власть большевиков, двух членов Учредительного собрания, Шингарева и Кокошкина, убили в больнице матросы» [1, с. 436].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на преимущественный хозяйственный характер дневниковых записей крестьян Европейского Севера России, тем не менее, в них находили отражение общероссийские события. Некоторые крестьяне не просто констатировали факт произошедших событий, но и пытались их проанализировать и выражали свое личное отношение к ним. Из крестьянских записей видно, что Временному правительству народ относился как к легитимному. Большие надежды были так же связаны с созывом Учредительного собрания. Приход к власти большевиков и разгон Учредительного собрания воспринимался как нарушение естественного хода событий, который привел к дальнейшей смуте и гражданской войне.

1. Дневник тотемского крестьянина А.А. Замаараева 1906 – 1922 годы // Тотма: краеведческий альманах. Вып. 2 Вологда. 1997. С. 245 – 517.
2. Жукова, В.С. Адаптация сельских жителей к городской среде в начале XX в. (на материалах дневника И.Г. Глотова) // Романовские чтения – XI. Могилев (Беларусь), С. 94 – 96.
3. На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915 – 1931 годы. М., 1997. 324 с.
4. Памятная книга Дмитрия Ивановича Лукичева с. Вашки // Духовная культура северного Белозерья. Этнодиалектический словарь. М., 1997. С. 387 – 420.
5. Памятная книга Ивана Григорьевича Глотова. Новонайденные части дневника пежемского крестьянина Глотова // Важский край: источниковедение, история, культура: исследования и материалы. Вельск, 2002. С. 192 – 229.

ОТКРЫТКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. АНАЛИЗ ОТКРЫТОК ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ ЛЮНЕБУРГА (ГЕРМАНИЯ)

В.А. Талерко (Даугавпилс, Латвия)

В октябре 2017 года, находясь по стипендии Германской службы академического обмена в городе Люнебурге, я смогла ознакомиться с собранием книг и документов архива общества имени Карла Ширрена и библиотеки института Северо-Востока. Интересно, что обе организации занимаются изучением одного региона, находятся под одной крышей, но имеют разные архивы и собрания книг. В их коллекциях находятся открытки (150) и фотографии (18) о Латгалии. Город Люнебург удвоил количество своих жителей за счёт, в основном, балтийских немцев, переселившихся в 1939 году в польскую область Вартегау, а в 1945 году бежавших от советской армии в Германию. Открытки вывозились с собой, с ними связывались надежды на возвращение на родину, на них хранились имена и адреса дорогих людей. Общий анализ части открыток из этих коллекций и предлагается в этой статье.

Латгалия – удивительный регион, географическое положение которого определяет его своеобразие во всех мыслимых сферах, от истории до многонациональной культуры. История края, и, в частности, история Динабурга / Двинска / Даугавпилса изобилует неисследованными до конца пятнами, пробелами в историческом осмыслении жизни приграничного города на окраине Российской Империи, а потом и независимой Латвийской Республики. В последние десятилетия часто слышны суждения о «русском» городе Даугавпилсе, об отсутствии в нём исторической памяти или об отсутствии «гения места» по Петру Вайлю: «Связь человека с местом его обитания – загадочна, но очевидна. Ведает ею *ginius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил – города. Их облик определяется гением места, и представление об этом – сугубо субъективно» [1].

Перед данным исследованием были поставлены следующие задачи:

- определить текстуальный характер открыток;
- проанализировать соответствие названия города на открытках с фактическим названием города;
- проанализировать сочетаемость языкового оформления открыток с языком авторского текста;
- проанализировать возможные причины и цели написания открыток из данных коллекций.

Для данного анализа были отобраны 55 (1903-1947) открыток с авторским текстом, из которых 4 открытки оказались без почтового штемпеля, а на одной открытке почтовый штемпель невозможно восстановить.

По мнению искусствоведа Натальи Александровны Мазохиной, занимающейся почтовыми открытками, главной их функцией была передача впечатлений от путешественника к тем, кто являлся адресатом данного послания, например, родственникам или друзьям ([3]. Открытое письмо, как тогда называли открытку, появилось в Австро-Венгрии в 1869 году, а уже через два года оно получило право хождения в Российской империи. В 1874 году был основан Всемирный почтовый Союз, благодаря которому открытки с различными рисунками получили массовое распространение. До 1903 года обратная сторона предназначалась только для адреса, а текст разрешалось писать на лицевой стороне, на полях или даже на самой картинке. В 1903 году на обратной стороне открытки появились два поля: для текста и для адреса [2].

Российский почтовый рынок снабжали немецкие издатели, например, Георг Штилке из Берлина. Этот издатель не только организовал выпуск собственных открыток, но и создал целую сеть киосков и книжных магазинов, через которую открытки, газеты и журналы реализовывались практически по всей Европе. В Первой мировой войне в 1915 года издательство Георга Штилке получило право распространять печатную продукцию через свои магазины и киоски на линии фронта [5]. В 1918 году этот предприниматель создал для немецких войск 74 постоянных и 95 полевых книжных магазинов, кроме того, киоски в 41 городе на Восточном фронте. Поражение Германии в Первой мировой войне разрушил и бизнес Георга Штилке.

Немецкие издатели (Karl Voegels, Georg Stilke, Hermann Wolff, Foto-Funk) выпускали, прежде всего, поздравительные открытки. Этот вид открыток не нашёл своего распространения в Российской империи, так как немецкие издатели ориентировались, прежде всего, на своего национального потребителя и не интересовались религиозными и культурными традициями других стран. В качестве поздравительных открыток в Российской Империи использовались видовые открытки с изображением какой-либо местности или картины художников. Кроме того, выпуском открыток активно занимались и собственно российские издатели (Фототипия Шерер и Набгольц в Москве, Контрагентство печати Алексея Сергеевича Суворина в Петербурге [4] и др.), открывшие в продаже открыток значительную статью доходов и гарантировавшие издателю значительный коммерческий успех. Видовая открытка была требованием времени, первые видовые открытки появились в Германии уже через три года после возникновения открытки как таковой, т. е. в 1872 году. Вышеназванное Контрагентство Суворина специализировалось на издании открыток с видами практически всех городов и местностей России и имело обширную сеть киосков на вокзалах, станциях и в других людных местах. Только у 19 открыток из названной коллекции удалось точно установить издательство, из них 16 открыток произведено в Германии.

Текстуальный анализ 55 открыток данного объекта исследования показал, что только 12 открыток можно отнести к поздравительным открыткам, из них на латышском языке 5 открыток (без даты, 1915, 1926, 1937, 1947) с поздравлениями с именинами, 2 открытки на немецком языке (1907, 1944) с поздравлениями с Пасхой, 2 открытки на немецком языке с поздравлениями с Новым годом (1912), одна открытка с Новым годом на русском языке (1912), одна открытка с Новым годом на латышском языке (1930) и одна открытка на русском языке с поздравлениями ко дню Ангела (1937). Это показывает, что в городе в период с 1903 по 1947 год имела место быть многоязычная и многонациональная среда. Авторы открытых поздравительных писем продолжали своё мысленное общение со своими родными и близкими на общем для них языке.

По мнению Натальи Мозохиной путешественнику во время своего путешествия «было необходимо поделиться своими зрительными впечатлениями», часто сопровождая открытку «приписками о своём непосредственном впечатлении от увиденного» [3]. 25 открыток из данной коллекции можно отнести к так называемым «приветам» своим родным, близким и друзьям. Разброс дат от 1903 до 1944 года показывает, что для авторов данных посланий на латышском, русском и немецком языках часто было важно просто напоминание о себе, в особенности во время военных действий на территории Латвии и в военное время в целом. Этим объясняется и относительно большое количество открыток 1918 года на немецком языке (5 открыток). Авторы открыток находились вдалеке от родных, основным способом, чтобы сообщить о себе, была почтовая связь. Сложно назвать основную массу подобных открыток «приветом из путешествия», так как авторы этих посланий находились в Латгалии не с целью приобретения новых впечатлений. Тем не менее, на некоторых открытках есть упомянутые Н. Мозохиной краткие комментарии об увиденном и пережитом. Не смотря на то, что площадь для письма на открытках является очень ограниченной, бросается в глаза особая лаконичность подобных текстов и их написание крупными буквами.

Кроме функции напоминания о себе и сообщения близким о собственном здравии, можно выделить ещё 3 функции открытых писем. Прежде всего, это тексты личного характера, напоминающие письмо, но очень ограниченного формата (11 открыток). Текст часто дописывается на полях, буквы постепенно уменьшаются, что говорит о желании авторов продлить мысленный процесс общения с дорогими им людьми. Часто упоминаются реалии, имена, события, известные только авторам и адресатам данных посланий. И хотя открытое письмо подразумевает нарушение конфиденциальности послания, некоторые авторы намекают на политические события, затрагивающие их. Например, автор открытки на латышском языке пишет в 1936

году о своём разочаровании в том, что происходит вокруг, и о своей неспособности привыкнуть к новым обстоятельствам. В 1944 году автор открытки на немецком языке пытается по старому адресу найти своих родственников в Познани. Полный опасения за судьбу своих родных, он задаёт вопросы о том, все ли остались живы, не пострадал ли дом родственников во время военных действий. Некоторые тексты имеют характер философских рассуждений, несколько раз приводятся цитаты и поэтические вставки, видимо, отвечающие ходу мыслей и ощущениям авторов. Эти тексты тоже имеют очень личный характер и написаны на латышском, немецком и русском языках.

Во-вторых, особое место занимают среди личных открыток послания, содержащие указания на то, где в данный момент находится, проживает или работает автор текста (5 открыток). На открытке с видом города может быть обозначено стрелочкой или другим знаком именно то место, где находится квартира или офис человека. Кроме того, в тексте может содержаться напоминание о том, что адресат в этом месте бывал несколько лет назад (например, о посещении Борисо-Глебского собора в Даугавпилсе, 1937). Открытки написаны на русском, немецком и латышском языках, отправлены в период 1911-1937 год. Общим является желание передать близким своё ощущение большого города, в котором живут и работают. Ни в одном тексте, однако, не содержится приглашение навестить родных и увидеть изображённый объект собственными глазами.

В-третьих, можно выделить группу открыток, содержащих тесты делового характера (10 открыток). Наличие таких текстов на открытках противоречит утверждению Н. Мозохиной о том, что «открыткой не пользовались в деловых поездках и в деловой переписке» [3]. 2 письма написаны на польском языке в 1916 и 1918 годах, 1 письмо 1931 года на латышском языке, 1 письмо 1916 года на русском языке, остальные письма написаны в период с 1918 по 1930 год по-немецки. В письме на русском языке речь идёт о деловых контактах на высоком уровне, т. к. показывает утомительный путь автора из Юрьева в Ригу и его ожидание новостей от барона, имя которого не называется. Остальные тексты содержат просьбы о пересылке различных товаров, денег и сообщения о характере торговли в городе. Трудно объяснить, почему для сообщений подобного характера были выбраны открытые письма. Можно предположить, что письма 1918 года отправлялись по немецкой полевой почте и имели невысокую стоимость пересылки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что почтовая открытка использовалась для самых разных целей и являлась очень важным, часто единственным средством коммуникации между родственниками и друзьями. Напряжённое время, в которое происходил обмен корреспонденцией, диктовало и выбор способа коммуникации. Использование открытых писем не только как записок путешественника, но и для личных и деловых писем, а так же для передачи связи визуального объекта с личностью автора, дополняют наблюдения Н. Мозохиной об открытке как эпистолярном жанре.

1. Вайль, П. Гений места. – Mode of access: http://lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/genij.txt_with-big-pictures.html - Date of access: 22.02.2018.
2. Ковалинский, Виталий. Привет из Киева. - Mode of access: <http://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Sci/History/Kupola/Vol01/GreetingsKyiv.html> - Date of access: 22.02.2018.
3. Мозохина, Н. А. Открытка как эпистолярный жанр путешествия начала XX века. - Mode of access: <http://odysseus.msk.ru/publications/?id=108> - Date of access: 22.02.2018.
4. Открытки издательства «Контрагент печати» 1906-1909. - Mode of access: <http://www.tulainpast.ru/news/row1704> - Date of access: 22.02.2018.
5. Georg Stilke. - Mode of access: guestrow-history.de/georg-stilke - Date of access: 22.02.2018.

СТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ЦБ КП(б)Б

Т.Н. Агеенко (Минск, Беларусь)

В последние годы проблематика секретного партийного делопроизводства в РКП(б)-ВКП(б) стала активно изучаться. Это нашло отражение в работах М.В. Зеленова, А.В. Крыловой, Г.А. Куренкова, В.Н. Парамонова, Н.Ю. Пивоварова, А.Н. Чистикова и др.[2, 3, 4, 5, 17, 18, 19]. Однако недостаточно изученным является региональный аспект этого вопроса, в том числе относящийся и к БССР.

В октябре 1921 г. на заседании ЦБ было закреплено, что вся секретная переписка адресуется на имя секретаря ЦБ, вскрывается только им, он отвечает за исполнение секретных документов и их сохранность, кроме того выделялся сотрудник для ведения шифровальной работы [7, л. 31]. Однако кроме перечисленных, вопросами секретного делопроизводства занимался секретный отдел (или секретная часть). Сведений об этом отделе в документах КП(б)Б немного. Так, в октябре 1921 г. в составе секретного отдела числилось 4 человека: секретарь, караульный, курьеры [8, л. 2; 9, л. 217]. В следующем месяце должности секретаря и караульного были упразднены. В 1923 г. должности заведующего секретной частью и шифровальщика при секретариате ЦБ занимал один человек [16, л. 41]. Наряду с секретарем ЦБ за подготовку и ведение секретной переписки отвечал заведующий общим отделом, о чем свидетельствуют подписи на исходящих из ЦБ документах с грифом «секретно». Таким образом, можно предполо-